

Сун Цзячжу наконец заговорил, но Лин Чжи так и не услышал заветного уведомления о завершении миссии.

Вспомнив свои догадки из прошлого мира, он предположил, что юноша еще не восстановился окончательно, поэтому на следующий же день отвез его в больницу на обследование. Врачи не нашли серьезных отклонений, подтвердив лишь, что связкам нужно время — Сун Цзячжу пока нельзя было часто использовать голос.

Долгие годы немоты приучили его к тишине, но рядом с Лин Чжи он то и дело не выдерживал и вставлял пару слов. Речь его была прерывистой, не слишком плавной, поэтому Сун Цзячжу предпочитал изъясняться короткими фразами.

— Тогда я пойду. До завтра.

Они стояли у дома Лин Чжи. Сун Цзячжу попрощался с ним.

Зимние каникулы принесли с собой главный праздник страны — Новый год. И хотя родители Лин Чжи так и не вернулись, его старший брат, студент университета, уже был дома.

Сун Цзячжу, чью душу терзали не совсем невинные помыслы, не решался зайти в гости. Он всерьез опасался, что если когда-нибудь в будущем семья Лин Чжи узнает об их отношениях, его нынешнее поведение сочтут предосудительным. Поэтому он провожал своего возлюбленного только до подъезда.

Лин Чжи кивнул и молча смотрел, как юноша разворачивается, чтобы уйти.

Утром выпал снег, оставив белые отметины на кустах вдоль тротуара. Кое-где виднелись отпечатки детских сапожек, но на самой дороге сугробы уже подтаяли, превратившись в серую кашицу, и лишь по краям еще белела чистая кайма. Снегопад давно прекратился, но поднялся ветер. Он трепал волосы Сун Цзячжу и играл лапами его куртки.

— Постой! — окликнул его Лин Чжи.

Когда парень обернулся, Лин Чжи быстро подошел к нему и заботливо поправил небрежно намотанный шарф, после чего с улыбкой помахал рукой.

В этом заснеженном мире всё казалось ослепительно белым, и на этом фоне тонкие, изящные черты лица юноши, обрамленные черным шарфом и темными волосами, казались сошедшими с классического свитка тушью. Сун Цзячжу прищурился от удовольствия — словно весенние воды взломали лед, и в мир пролился чистый ручей.

Вокруг всё еще сновали прохожие, к тому же они стояли прямо под окнами дома Лин Чжи. Сун Цзячжу не решился на большее: он лишь сделал вид, что тоже поправляет шарф на шее партнера, и украдкой коснулся его мизинца своим.

— Иди домой. Ветер холодный.

Хотя он еще не проходил через период мутации голоса, голос Сун Цзячжу не был звонким. Вероятно, из-за долгого молчания в нем поселилась легкая, притягательная хрипотца. Это создавало странный контраст с его внешностью и обычным поведением, заставляя Лин Чжи невольно улыбаться.

— Хорошо. Напиши мне, как доберешься.

Лин Чжи кивнул и долго смотрел вслед уходящему юноше, в этот раз больше не окликавая его.

Когда фигура Сун Цзячжу скрылась из виду, Лин Чжи наконец отвел взгляд. Это не было томительным прощанием влюбленного — он просто размышлял, почему юноша никак не хочет его отпускать.

Система 01 тоже явно нервничала:

[По всем расчетам, мы должны были преуспеть, но сигнала до сих пор нет]

[Хост, я только что провел восьмую самодиагностику. В моем коде нет ошибок]

Лин Чжи оставался спокоен.

«Раз в твоей программе нет сбоев, значит, вывод один: миссия еще не завершена»

[Но ведь цель выглядит полностью исцеленной] — пробормотал 01 и, глубоко вздохнув, добавил: [Я проведу еще одно полное сканирование]

«Не нужно. У меня есть догадка, — отозвался Лин Чжи. — Нам остается только ждать»

Лин Чжи не верил, что девятая или десятая проверка что-то изменит.

«Ты помнишь, в чем главная цель этих заданий по искуплению?»

01 не могла забыть свою миссию — она была выжжена в её ядре:

[Заставить цель почувствовать тепло и любовь, наполнить её надеждой и сделать её будущее светлым!]

Лин Чжи мысленно кивнул. Он не сомневался, что Сун Цзячжу почувствовал тепло и любовь. Поскольку они вместе строили планы на будущее, в его сердце наверняка жила надежда. Но вот вопрос «света» всё еще оставался под знаком вопроса.

Они всё еще были школьниками, и завтрашний день оставался неизвестной величиной. И хотя его можно было предсказать с высокой долей вероятности, для такого человека, как Сун Цзячжу, предположение оставалось лишь предположением. Ему нужно было увидеть ответ своими глазами.

«Какой упрямый ребенок» — тихо вздохнул Лин Чжи.

Как он и предвидел, в течение следующих шести месяцев уведомление о завершении миссии так и не прозвучало.

Лин Чжи вернулся к жизни обычного старшеклассника. Иногда они с Сун Цзячжу ходили в книжные лавки, а по вечерам видеозвонки стали их нерушимой традицией.

Сун Цзячжу больше не скрывал, что обрел голос. Когда он заговорил впервые, это шокировало всех, но учителя и одноклассники были искренне рады его выздоровлению. Впрочем, характер отличника не изменился — он по-прежнему держался особняком, подпуская к себе только Лин Чжи, к чему все уже давно привыкли.

Полгода пролетели как один миг. Цифры на календаре обратного отсчета, висящем на стене, таяли, и когда финал стал осязаем, всех охватило странное чувство нереальности происходящего. Учителя, которые раньше только давили на учеников, внезапно сменили гнев на милость и начали уговаривать их больше отдыхать.

Лю Гао, сидя за третьей партой, оглядывал знакомый класс и лица одноклассников с легким чувством растерянности. Его взгляд ненадолго задержался на Лин Чжи, сидевшем в первом ряду, но он быстро отвел глаза.

Во втором полугодии он был несказанно рад, что оказался в одном классе с Лин Чжи и Хэ Юйцин. По результатам экзаменов он занял место прямо за спиной Лин Чжи. Лю Гао было достаточно просто молча смотреть на него — для него Лин Чжи был подобен нежной мимозе, которой можно любоваться издалека, не тревожа её покой.

Но однажды на уроке он четко увидел то, что навсегда разрушило эту идиллию.

Учитель объяснял у доски задачу по физике. Лю Гао заметил, что правая рука Сун Цзячжу не касается тетради. Он внимательно смотрел на учителя, но этой самой рукой скрытно сжимал

левую ладонь Лин Чжи.

Это не было простым рукопожатием. Лю Гао видел, как пальцы Сун Цзячжу перебирают пальцы Лин Чжи. Обычное касание, но в нем сквозила такая интимность, что у Лю Гао перехватило дыхание. И что важнее — Лин Чжи не сопротивлялся.

Затем Сун Цзячжу полностью накрыл ладонь Лин Чжи своей и переплел их пальцы, крепко сцепив их в замок.

Пока Лю Гао пребывал в шоке, Сун Цзячжу слегка повернул голову и посмотрел прямо на него.

В этом жесте читалось ленивое, почти безразличное притязание на собственность. Но именно эта непринужденность заставила Лю Гао почувствовать себя невыносимо жалко.

Тот взгляд уколол его, словно шип, лишив покоя. Весь урок физики прошел для него как в тумане. После ежемесячного теста он поспешно пересел на другое место. Больше он не засматривался на Лин Чжи и забросил рисование.

Накануне единого экзамена, когда ученики подбадривали друг друга, Лю Гао подошел к Лин Чжи и тихо произнес:

— Удачи.

Это касалось и экзаменов, и всего остального.

Лин Чжи посмотрел на него, поблагодарил и в ответ пожелал блестящего будущего.

В день первого экзамена Лин Чжи вместе с остальными сел в школьный автобус. Сун Цзячжу сидел рядом, помогая ему проверить пропуск и письменные принадлежности. Самому Сун Цзячжу сдавать экзамены было не нужно — он уже был зачислен в университет по рекомендации.

— Не волнуйся. Если попадется сложная задача, просто делай так, как мы тренировались.

Сун Цзячжу сжал его ладонь, и Лин Чжи кивнул. Он не нервничал — скорее, его наполняло странное чувство завершенности, которое трудно было облечь в слова. Сун Цзячжу ничего не заметил и лишь молча проводил его взглядом до дверей экзаменационного центра.

Экзамены сменяли друг друга, и когда последний бланк был сдан, Сун Цзячжу спросил его о впечатлениях.

Лин Чжи устроился на заднем сиденье велосипеда Сун Цзячжу. Глядя на заходящее солнце, он лениво протянул:

— А что, если я не смогу поступить туда же, куда и ты?

Сун Цзячжу продолжал крутить педали, но Лин Чжи почувствовал через его тонкую летнюю рубашку, как напряглось тело юноши. Его охватила мгновенная паника.

Впрочем, это длилось лишь секунду.

— Выбирай лучший вариант для себя, — тихо ответил Сун Цзячжу. — Если ни один вуз не понравится, можешь остаться на второй год и пересдать. Я буду рядом, что бы ты ни решил.

В голове отличника уже роились мысли о том, как он будет охранять Лин Чжи от всяких проходимцев, если тот решит остаться в школе еще на год.

В ответ раздался тихий смех. Лин Чжи так затрясся от хохота, что Сун Цзячжу почувствовал это через его руки, обхватившие его за талию.

— Да шучу я. Я отлично справился. Еще бы, с таким-то репетитором!

Лин Чжи намеренно улучшал свои результаты постепенно: от стабильной пятидесятки лучших до тридцатки, а затем и до первой десятки. Даже если бы он сейчас стал первым в городе, это выглядело бы логичным завершением его прогресса. В этот раз он не стал занижать баллы, зная, что финал уже близок.

Сун Цзячжу вспомнил, как в последнее время Лин Чжи отказывался от простых объяснений и требовал разбирать самые сложные темы, и облегченно вздохнул. Он действительно боялся, что тот мог переволноваться.

Лето в этом городе было долгим и душным. В июне на деревьях не умолкали цикады, а тени от велосипеда и людей на дороге становились всё длиннее.

Сун Цзячжу довез Лин Чжи до самого дома. С зимы до лета он проделал этот путь бесчисленное количество раз — то на велосипеде, то на автобусе. Иногда, возвращаясь из книжного магазина или приюта, он на автомате садился в автобус, идущий к дому Лин Чжи, и только в пути осознал ошибку, с улыбкой качая головой.

Но в этот раз, довезя его, он не поспешил уйти.

Лин Чжи посмотрел на высокого юношу. Он чувствовал его напряжение — Сун Цзячжу явно собирался сделать нечто, к чему готовился очень долго.

— Поднимешься попить воды? — притворившись, что ничего не замечает, спросил Лин Чжи. — На улице ужасная жара, пойдем под кондиционер.

Сун Цзячжу немного поколебался, но кивнул.

Когда они вошли в квартиру и Лин Чжи собрался на кухню, Сун Цзячжу окликнул его.

— У меня кое-что есть для тебя.

— Что, снова подарок? — отшутился Лин Чжи. — Неужели в честь окончания школы?

Сун Цзячжу достал из кармана милый конверт размером с ладонь и протянул его Лин Чжи обеими руками. Его ладони вспотели. От летнего зноя мысли путались, и хотя он репетировал этот момент сотни раз, сердце колотилось так, что ему не хватало воздуха.

Это было любовное письмо.

Бумага хранила красивый, уверенный почерк. И хотя Сун Цзячжу уже мог говорить, он выбрал самый привычный для себя способ выражения чувств. Каждая строчка дышала его нежностью и трепетом.

На самом деле Сун Цзячжу не был романтиком. Его слова обычно были четкими, логичными и немного холодными. В письме не было витиеватых фраз, скорее — искренняя, почти детская сдержанность.

«На тот кустик Цзиньхуансин, что ты мне подарил, я смотрю каждый вечер перед сном. Я мечтаю, что наступит день, когда мы будем поливать его вместе»

— Лин Чжи, ты мне нравишься. Ты... будешь со мной?

Пальцы Лин Чжи слегка примяли край бумаги. Он поднял взгляд на Сун Цзячжу, и в его глазах заплясали смешинки.

— А я уж думал, ты так и не решишься признаться, — с напускной обидой произнес он.

Официально они никогда не называли себя парой. Лин Чжи ждал, когда Сун Цзячжу сделает первый шаг, и точно знал, что это случится именно сегодня.

В голове раздался голос 01:

[Поздравляю, Хост! Миссия выполнена!]

Одновременно с этим прозвучал голос Сун Цзячжу:

— Теперь это не будет считаться «ранней любовью». В глазах общества это уже зрелый выбор взрослых людей.

Сун Цзячжу медлил с признанием, потому что хотел, чтобы всё было официально. Он хотел, чтобы никто не мог назвать их чувства мимолетным юношеским увлечением.

— Но в моем сердце... в тот самый миг, когда я полюбил тебя, я уже сделал этот выбор навсегда.

«Сердце моё — не камень, его не перевернуть»

— Да, — ответил Лин Чжи после короткой паузы. Глядя прямо в глаза юноши, он повторил: — На твой вопрос я отвечаю «да».

Глаза Сун Цзячжу вспыхнули ярче полуденного солнца.

<http://bllate.org/book/15821/1439587>